

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ
В ТАДЖИКИСТАНЕ
XV 1975**

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им.А.ДОНИША

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ
Выпуск XV (1975 г.)

Под редакцией Б.А.Литвинского,
Н.Н.Негматова, В.А.Ранова

Издательство "Дониш"
Душанбе -- 1980

Н.Н. Негматов

МАДРАСА МИРРАДЖАБ ДОДХО

История изучения этого весьма интересного памятника очень кратка. Хотя он, возможно, осматривался многими краеведами и специалистами (археологами и историками архитектуры), однако, это соответствующей фиксации в литературе не нашло, за исключением, пожалуй, осмотра двух мадраса г. Канибадама — интересующей нас мадраса Мирраджаб додхо и мадраса Оим — в 1927 г. тогдашним научным сотрудником Средазкомстариса, впоследствии известным советским археологом В.А.Шишкиным и его сотрудником, тогдашним студентом Восточного факультета САГУ В.Э.Дружининым. Причем мадраса Мирраджаб додхо тогда была датирована началом XIX в. и осмотр как будто сопровождался фотофиксацией памятника.¹⁾

В 1961 г. мадраса Мирраджаб додхо наряду с другими памятниками г. Канибадама была предварительно обследована Ходжентско-Уструшанским отрядом Таджикской археологической экспедиции (Н.Н.Негматов, С.Г.Хмельницкий и др.)²⁾, а в следующем 1962 г. подробно изучена и обмерена Канибадамской группой Северо-Таджикистанского отряда (Н.Н.Негматов, С.Г.Хмельницкий, С.Марафиев и др.).

1) Результаты этого обследования не опубликованы. Информацию о нем см. И.И. У м н я к о в. Археологическая и реставрационно-ремонтная работа Средазкомстариса в 1927 г. — Изв. Средазкомстариса, вып.3, Ташкент, 1928 г., с.268; е г о ж е. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация. 1920-1928 гг. Ташкент, 1929, с.25.

2) Н.Н. Н е г м а т о в. О работах Северо-Таджикистанского отряда в 1961 г. — АРТ, вып.9 (1961 г.) — Тр. Ин-та истории. А.Дониша АН ТаджССР, т.42, Душанбе, 1964, с.34.

В 1974-1975гг. в связи с началом реставрационных работ мадраса вновь была осмотрена Н.Н.Нагматовым и А.К. Мирзабаевым. Публикация памятника дается по результатам этих работ.

Мадраса Мирраджаб додж в г. Канмбадаме (рис. I-3) возведена на естественном возвышении и обращена своим главным северным фасадом в сторону крупной городской ма-

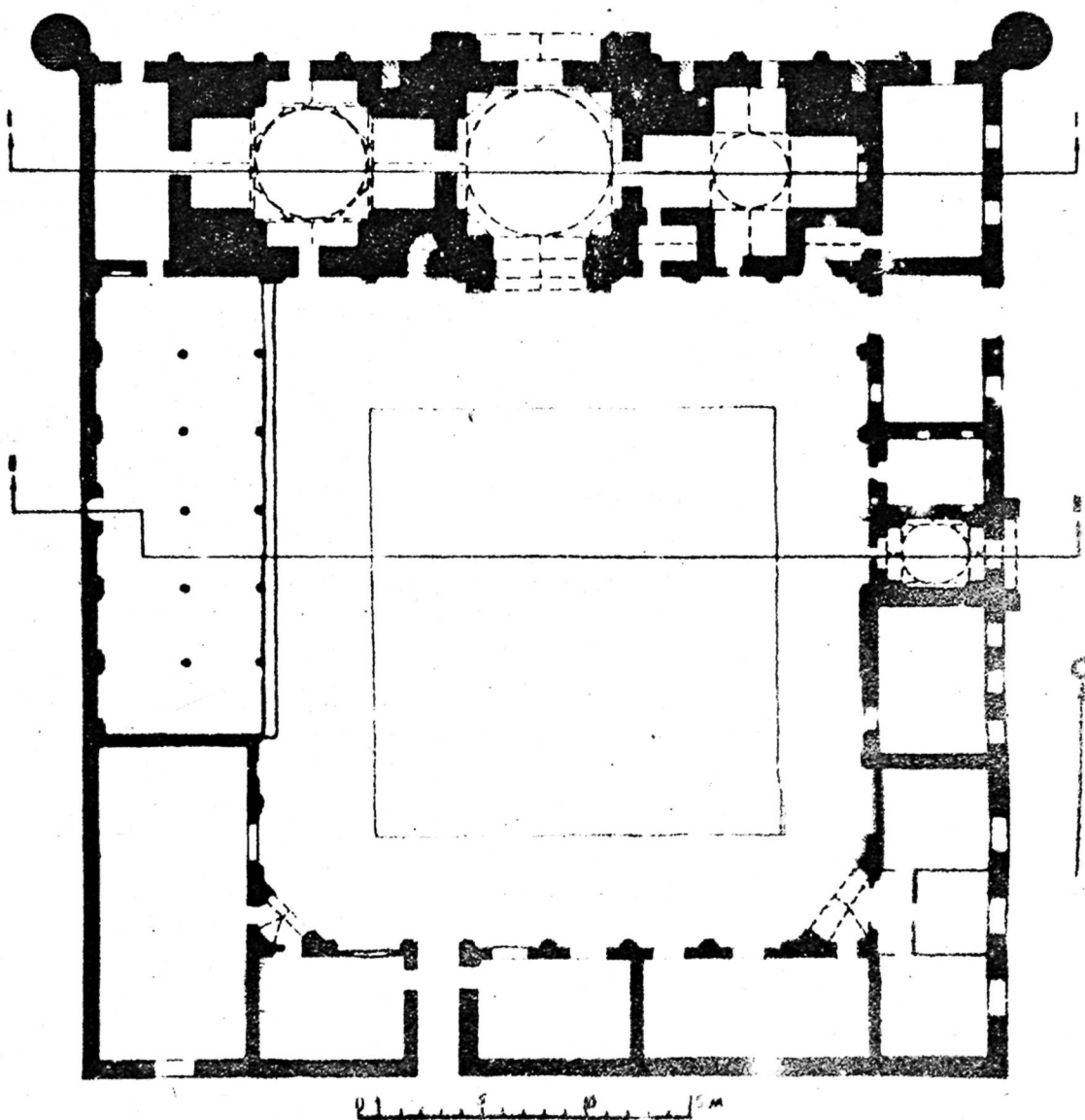
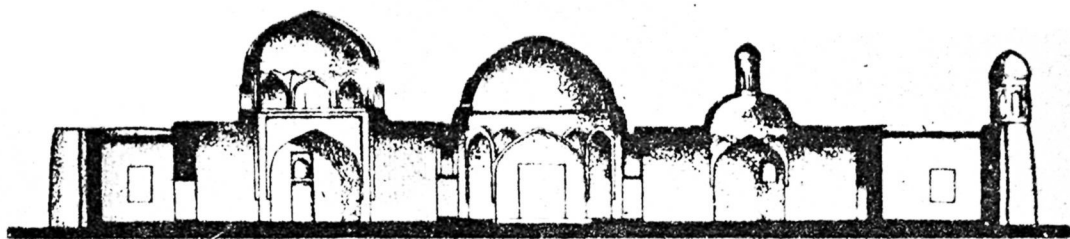
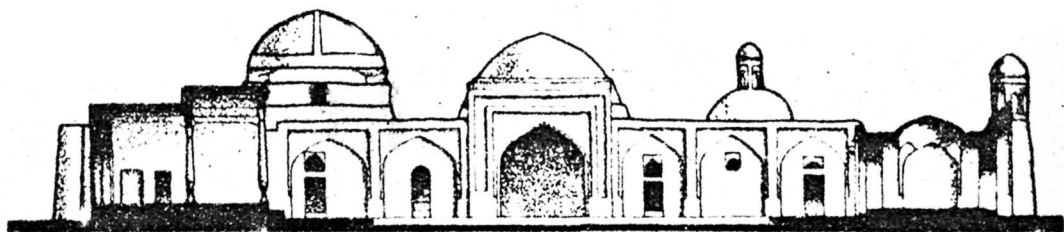

Рис. I

разрез I-I

разрез II-II

северный фасад

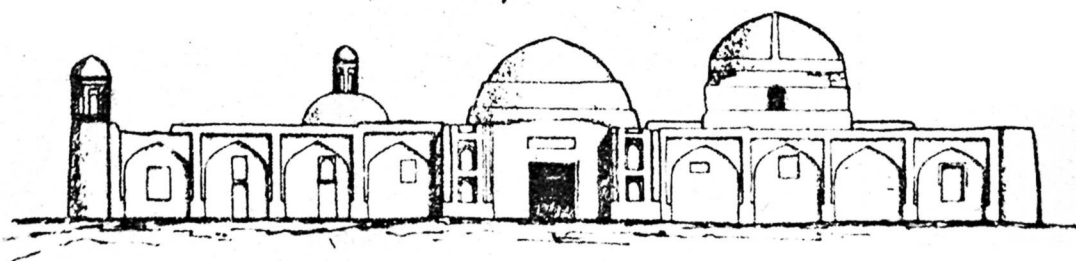

Рис.2

1

2

3

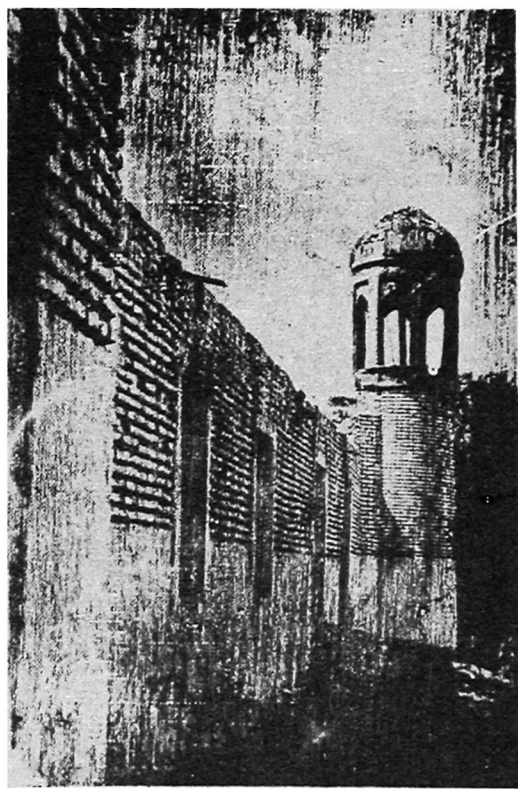
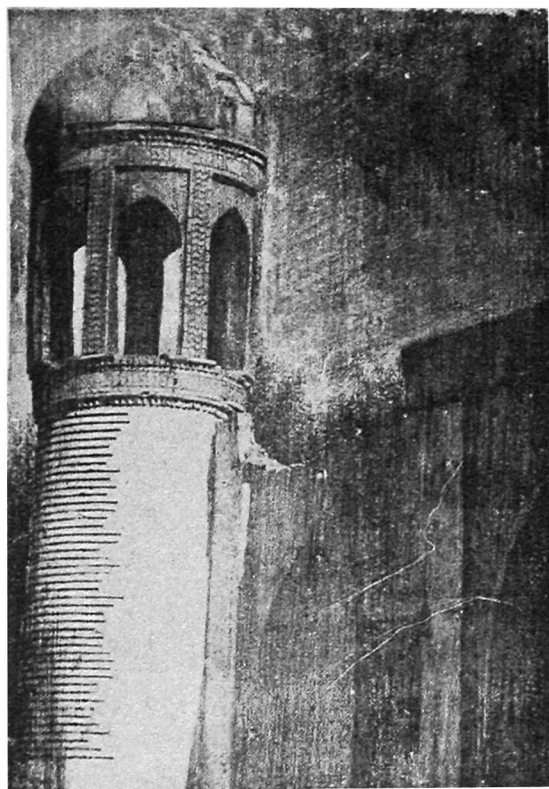

РИС. 3

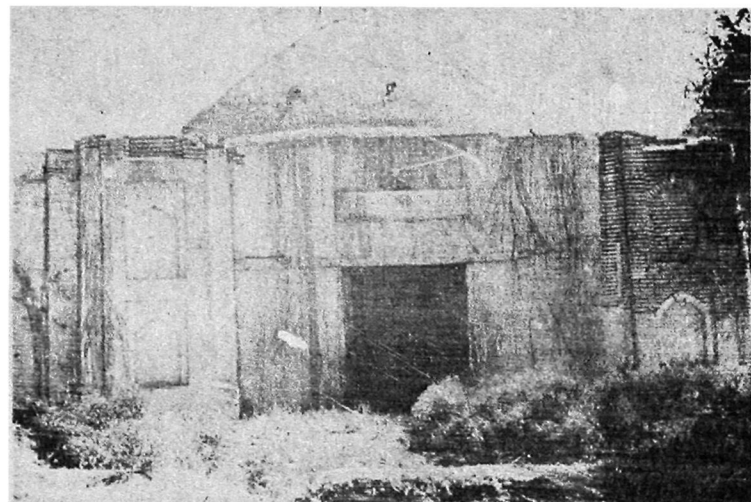
гистрали (ныне ул. Двадцатилетия Октября). Благодаря эффектному расположению, здание, несмотря на его небольшую абсолютную высоту, зрительно доминирует над окружающей городской застройкой. Общая структура плана мадраса Мир-раджаб додхо близка классическим образцам среднеазиатских мадраса: в основе плана лежит квадратный двор, окруженный более или менее единообразными худрами. После ряда испы-танных канибадамским мадраса перестроек место большинст-ва худр заняли обширные помещения с плоскими деревянными потолками и широкими окнами. Сохранилась лишь одна худра в восточной стороне двора. Она представляет собой сводча-тую комнату размером 4,64х3,20 м, куда свет проникает че-рез небольшое устроенное над дверью окно. Худра снабжена пятью нишами "токча". Вероятно, аналогичными были и ос-тальные, несохранившиеся худры.

Главный вход в мадраса, расположенный в середине се-верного фасада, снаружи украшен традиционным пештаком. От-сюда прямой проход ведет в крупный купольный зал дарвоза-хонь и через него во двор. К западу от дарвозахонь лежит обширное помещение, крестообразное в плане и также перекры-тое куполом. Оно соединено дверным проемом с дарвозахонь и имеет, кроме того, самостоятельный выход во двор. К вос-току от входа лежит тоже купольное, но значительно меньших размеров помещение дарсхонь (аудитория), также сообщаясь с дарвозахонь. Фронт помещений, расположенных за глав-ным фасадом, завершается комнатой в северо-западном углу двора. Последняя представляет собой десятиколонный, шести-пролетный айван, ранее целиком раскрытый во двор. Два цент-ральных пролета мечети в передней части приподняты в виде так называемого "кайвана", как это обычно бывает в архитек-туре айванных гузарных мечетей. Середина задней стены укра-шена гравельным ганчевым михрабом, по обе стороны от которого расположено по три высокие, во всю высоту помещения, ароч-ные ниши. Деревянное перекрытие летней мечети украшено ор-наментальной росписью, также характерной для убранства гу-зарных мечетей и ханов. Летняя мечеть, судя по сох-

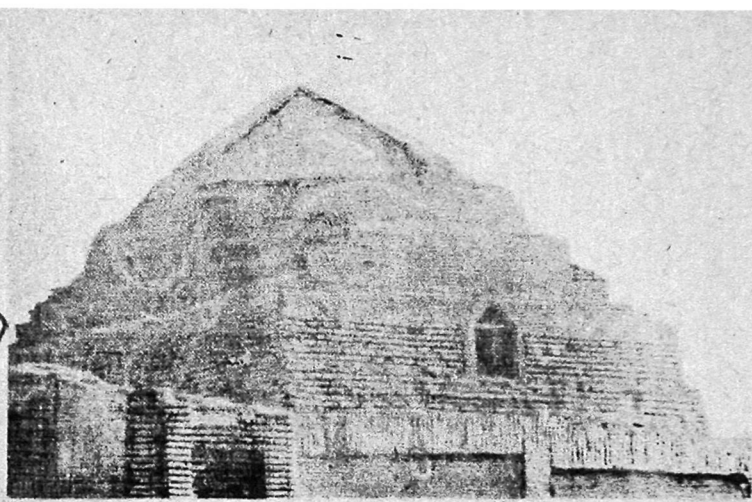
ранившейся дате, расписана в 1335 г.х. (1916-1917 гг.), занимает более половины дворового западного фасада мадраса. С юга к ней, видимо, примыкали худжры.

В середине внутреннего восточного фасада расположен второй вход во двор с боковой улицы и имел, очевидно, второстепенное значение, однако снаружи был выделен небольшим пештаком сравнительно простой формы. Ход отсюда вел в маленькую, перекрытую куполом дарвозахону, не сообщавшуюся с соседними худжрами. Со стороны двора этот вход как будто ничем не выделен и представлял собой обычный дверной проем, неотличимый от дверей худжр. Дворовые фасады мадраса, за исключением северного и той части западного, что занята летней мечетью, — система плоских арочных ниш, забранных в прямоугольные обрамления. В каждой нише дверной проем с небольшим окном над ним — единственным источником дневного света для населения худжр. На северном фасаде эта система прерывалась внутренним пештаком главного входа, выступающим из плоскости стены и значительно поднятым над одноэтажной обстройкой двора.

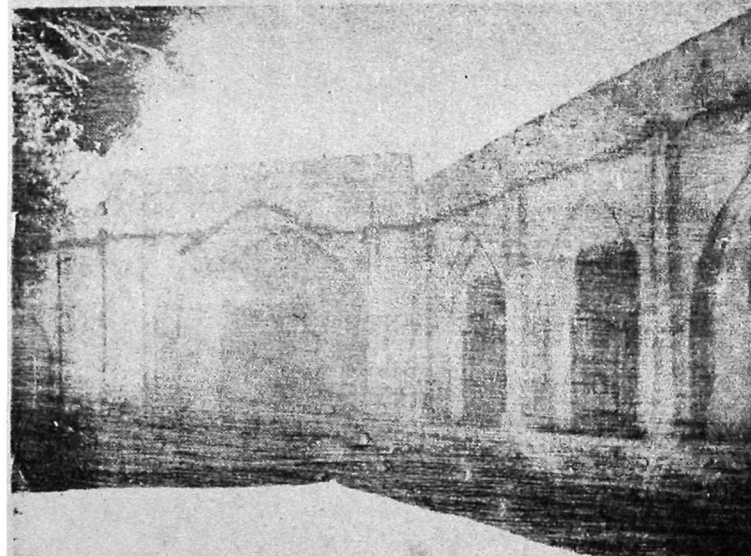
К своеобразным чертам планового решения каяубаданской мадраса нужно отнести различное решение внутренних углов. В то время как оба северных угла двора прямые, оба южных скошены под 45° и оформлены градевыми арочными нишами, в которых прорезаны дверные проемы. Последнее решение типично для планировки среднеазиатских мадраса с XVI в., тогда как прямые углы двора известны лишь в бухарской мадраса Улутбека (XV в.). Сочетание обоих приемов не имеет, насколько нам известно, аналогии в архитектуре среднеазиатских мадраса. Наружный северный фасад мадраса Мирраджаб дохдо дошел до наших дней в сравнительной сохранности, за исключением разобранного верха пештака и утраченного завершения западной угловой башни-гульдаста (рис. 4, I, 2). Широкий дверной проем пештака украшен прекрасной резной дверью, створки которой оформлены тремя

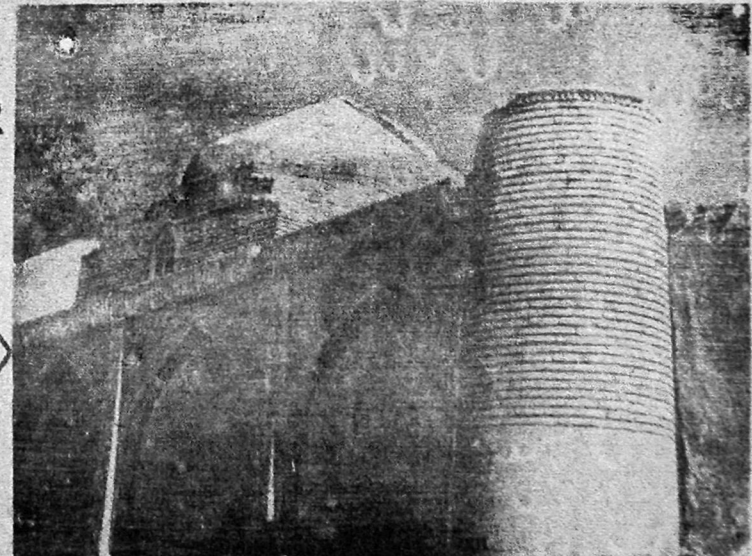
1

3

2

4

расположенными по вертикали квадратными орнаментальными панно.³⁾ Сверху на дверной раме сохранилась резная надпись, выполненная арабским шрифтом с датой 1070 г.х. (1659-1660 гг. н.э.) и именем мастеров Мулло Ходжаер Саида (?) и Мирзо Давуда. Можно предполагать, что эта дата изготовления двери определяет также и время постройки самой мадраса или близка к этому времени. Над дверью расположено горизонтальное, прямоугольное, слегка заглубленное панно — традиционная деталь композиции парадного входа, по-видимому, генетически восходящая к мотиву "дву-светности" (сочетания высокого нижнего и небольшого верхнего проемов), широко и многообразно употреблявшаяся в средневековом зодчестве Средней Азии. В классических памятниках XIV-XVII вв. подобные панно, как правило, заполнялись надписями, но впоследствии нередко оставались пустыми. В данном случае панно над входом никогда, видимо, не имело эпиграфического или какого-либо другого заполнения, что нельзя считать признаком незаключенности постройки.

Пилоны пештака украшены системой плоских прямоугольных ниш, по три с каждой стороны, со вписанными в них стрельчатыми нишками. Внутренние углы пилонов скошены под 45° , а наружные — украшены трехчетвертными круглыми гильдеста. Подобная система композиции пештака наблюдается уже в памятниках XV в. и для среднеазиатского зодчества является, вероятно, глубоко традиционной. Столь же традиционно и оформление главного фасада мадраса сплошным рядом стрельчатых ниш, взятых в прямоугольные обрамления, и круглыми угловыми гильдеста, поднимающимися над уровнем кровель (рис. 3, 2, 3).

В процессе эволюции среднеазиатского зодчества гильдеста, фланкирующие внешние углы монументальных зданий, претерпели заметную эволюцию. В мавзолеях X-XIII вв. они

3) Дверь хорошей сохранности, размеры створок: высота 232 см, ширина 78 см. В правой створке прибиты рейка — "колонка". На каждой створке — по восемь железных гвоздей с круглыми шляпками.

представляли собой сплошные стержни, иногда оформленные в виде колонн и не только не поднимавшиеся над кровлей кубического четверика, но и перекрытые вместе с ним единой "архитравной" перемычкой. Лишь в конце XIV в. гильдаста в некоторых случаях приобретают форму крупных минаретов, значительно превышающих по высоте само здание и увенчанных характерным для минарета световым фонарем. Это нововведение может быть поставлено в связь с деятельностью иноземных зодчих, привлеченных Тимуром к строительству в Средней Азии.⁴⁾ В большинстве случаев гильдаста среднеазиатских медреса XVI-XVII вв. не сохранили своей первоначальной высоты, и мы не знаем, в какой мере принцип контрастного сопоставления высоких угловых башен с горизонтальностью основных объемов, представленный мечетью Биби-Ханым, медреса Улугбека в Самарканде и шахриябским Ак-Сараем, был характерен для таких памятников, как медреса Улугбека в Гичдуване, Мири Араб и Кукальтам в Бухаре. За исключением медреса Шердор, откровенно повторяющий архитектуру соседней медреса Улугбека, среднеазиатские медреса с XVI в. не имеют чрезмерно вытянутых угловых минаретов: их сменили массивные угловые башенки, увенчанные световыми фонарями подобно минаретам, но лишь ненамного поднятые над уровнем примыкающих к ним стен. Полностью сохранившаяся гильдаста канибадамской медреса относится к этому последнему типу. Ее массивный ствол, из-за своих пропорций и выпуклого антабмента, напоминающий колонну дорического ордера, чуть выше стены и увенчан литым ганчевым фонарем. Фонарь восьмигранный, каждая грань прорезана стрельчатым окном в традиционном прямоугольном обрамлении. Ленты этого обрамления и пояс у основания фонаря украшены орнаментом, имитирующим кладку из простых и П-образных кирпичиков; для усиления эффекта поверхность ганча в этих местах подкрашена охрой. Фонарь перекрыт

4) Г.А. Пугаченкова. К вопросу о научно-художественной реконструкции мечети Биби-ханым. - Тр. САГУ, нов. сер., вып. 61. Ташкент, 1953.

сферокопическим ганчевым куполком. Стены и купол фанаря имеют не больше 20 см толшины. Изнутри они оставлены необработанными, что позволяет понять не совсем обичный способ конструирования фанаря. По-видимому, на земле по одному шаблону отливались отдельные грани, и по другому — соответствующие им доли купола. Здесь же производилась обработка внешних поверхностей граней насечками, имитирующими декоративную кирпичную кладку. Монтаж происходил на верхней площадке гульдаста: здесь грани и части купола примораживались одна к другой ганчевым раствором, а кое-где дополнительно связывались небольшими деревянными штырями. Такой способ монтажа предполагает высокое мастерство при изготовлении формы и большую точность отливки. Мы не знаем в среднеазиатском зодчестве второго такого примера выполнения сравнительно крупной объемной формы с помощью ганчевых отливок (в нашей мадраса таким же образом изготовлен шестигранный фанарь над куполом дарсханы), но этот способ не покажется столь несжидаанным, если вспомнить, какое широкое распространение получили в кирпичном зодчестве Средней Азии XVP—XIX вв. ганчевые отливки арок для проемов и парусов.

Гульдаста канибадамской мадраса, коренастая и "большоголовая", находит ближайшую аналогию в ряде памятников XVP—XIX вв., таких как мазар Искандар Зулкарнайна в Маргелане (башни внешней ограды, 1722 г.), Мадрасаи Кухна в Гиссаре, мечеть в Оше и небольшие минареты, сооруженные в Бухаре перед мечетью Боле хауз и в ансамбле Чор Бакр. Однако от этих памятников она отличается полным отсутствием сталактитов, которыми обычно оформлялись места нависания фанаря и купола, здесь эти части украшены тонкой ганчевой профилировкой. Не совсем обичен и сохранившийся в ряде мест способ выявления декоративных качеств лицевой кирпичной кладки: ее горизонтальные швы расширены и превращены в глубокие бороздки, тогда как вертикальные тщательно затерты. В этих местах стволы гульдаста кажутся охваченными шлифованными концентрическими поясами, разделенными четки-

ми затененными прорезями, что находит неожиданную параллель во внешнем облике бакинской "Девичьей башни".

Наконец, отметим, что в основании гультаста уложено деревянное брусчатое кольцо, ниже которого видны несколько рядов кладки и субструкция — слой сравнительно крупных валунов. Деревянная прокладка прослеживается почти всюду у основания внешних стен мадраса. Ее вероятное назначение заключалось в том, чтобы предохранить кирпичную кладку стен от проникновения почвенных солей.

Интересны и разнообразно решены два крупных купольных помещения мадраса. Высокий купол дарвозахоны, более чем на 9 м поднятый над землю, утончается кверху тремя уступами. Он покоится на своеобразной системе угловых арочных ниш, которые не образуют обычный подкупольный "тримповый" пояс, ограниченный снизу четвериком стен, но опущены до самой земли. Это заставляет вспомнить мавзолей Мирсаид Бахрома в Кармине (X-XI вв.) и некоторые сырцовые здания в районе Термеза, предположительно датируемые XIII-XIV вв., в которых перемычки арочных парусов также опущены до земли и образуют, таким образом, отчетливо выраженные угловые ниши. В отличие от этих ранних памятников и в соответствии со строительными приемами своего времени промежутки между арочными парусами дарвозахоны заполнены арочками щитовидных парусов по одной на промежуток. Эта система перекрытия приведена в соответствие с планом помещения, каждая стена которого украшена широкой, но очень плоской нишей (только северная ниша превращена в сквозной проход). Вертикальные угловые простенки по сторонам этих ниш соединены на уровне основания купола, перекрывающими углы арочками, благодаря чему и образована описанная выше система. Но так как ширина угловых ниш недостаточна для того, чтобы образовать правильный восьмигранный план, необходимый для тримпового пояса, перекрывающие их арки искусственно расширены широкими архивольтами и небольшим напуском штукатурки на уровне промежуточных арочек щитовидных парусов. Видимо, это своеобразное конструктивно-тектоническое реше-

ние было все же недостаточно детально продумано строителями, не добившимися органического сочетания отдельных элементов системы. Так, пересечение угловых арок с арками стеновых ниш выше пят последних получилось неловким и образует неопределенную мятую форму.

Внутренняя поверхность купола дарвозахона несколько ниже его средней части и украшена тройным поясом ганчевых сталактитов измельченной и вычурной формы. В зените купола оставлено небольшое круглое отверстие, слишком маленькое для того, чтобы служить источником света. Прямоугольное окошечко также очень небольших размеров, прорезано с западной стороны купола, над сталактитовым поясом. Вероятно, оно было предназначено не столько для освещения, сколько для вентиляции, так как дарвозахон была раскрыта во двор широкой южной аркой. Ее ширина 430 см равна ширине арки дворового пештака, который, таким образом, лишен внутренней торцевой стены. Этим приемом дарвозахон, по существу, превращена в монументальный купольный айван, раскрытый во двор подобно главному помещению мечети Абдуллатифа ("Кок-Гумбаз") в Ура-Тюбе (XV в.) и мечети Анау (XIV в.). В более широком историческом плане это решение восходит к древнему приему среднеазиатского зодчества, в основе которого лежит сочетание замкнутого двора и лежащего на его оси сводчатого или купольного айвана. Этот прием усматривается в ряде крупных памятников архитектуры предарабской эпохи (дворец Варахши, замок Каллаи Кахваха I (X-XII вв.), дворец термезшахов, комплекс Ходжа Мамад в Саате, ансамбль Султан Саадат в Термезе, мечеть Талхатан Баба и др.). Он очень характерен для среднеазиатских медрес, двор которых в большинстве случаев снабжен сводчатым, расположенным против входа айваном. Однако превращение в подобный айван входного купольного vestibule медреса и сочетание его с главным входом, наблюдаемое в медресе Мирраджаб додхо, не находит, насколько нам известно, аналогий среди медрес Средней Азии и представляется редким исключением.

Сосаднее с дарвозахой купольное помещение выполнено в более традиционных архитектурных формах. Арочные ниши имеют здесь значительно большую глубину, а простенки между нишами и углами квадрата сведены к минимуму, благодаря чему отчетливо выявляется крестообразный характер плана. В верхней части четверика над арками угловые простенки соединены горизонтальной полосой фриза, что создает вокруг каждой арки сплошное прямоугольное, выступающее из плоскости стены, обрамление. На увенчанный полочкой четверик опирается подкупольный пояс арочных парусов, заполнения которых образованы отрезками сомкнутого свода. Между trompes расположены традиционные арочные ниши, украшенные ленточными архивольтами и прорезанные арочными оконными проемами. Переход от подкупольного восьмигранника к куполу образован с помощью промежуточных пилюидных парусов.

Снаружи возвышающийся над кровлей восьмигранник имеет уступчатую форму. Нижний уступ, поднятый до высоты стрельчатых оконных перемычек, квадратен в плане; верхний, менее высокий, восьмигранной формы, со скошенными диагональными гранями. Оболочка купола, толщиной в один кирпич, снаружи укреплена четырьмя широкими радиальными ребрами, связанными у основания горизонтальным кольцеобразным утолщением. Ширина ребер вверху 22 см, внизу 40—41 см.

Любопытно разнообразие конструктивно-строительных приемов, употребляемых строителями мадраса при возведении двух соседних и в общем однородных по структуре купольных помещений. Можно думать, что эти помещения сооружались двумя разными мастерами, каждый из которых использовал приемы, присущие его собственной индивидуальной манере и навыкам. Причем строитель западного помещения проявил склонность к более традиционным архитектурным формам, как будто тяготеющим к бухарской школе зодчества (для нее особенно характерно укрепление купола внешними радиальными

ми ребрами⁵⁾), а строитель дарвозахоны подошел к своей задаче более творчески, стремясь необычным сочетанием конструктивных форм создать новый художественный облик крупного купольного интерьера.

Небольшое купольное помещение дарсхоны расположено, как говорилось, к востоку от дарвозахоны. Оно также крестообразно в плане, причем ширина сводчатых ниш, образующих ветви креста, совпадает здесь с длиной стен подкупольного квадрата. Западная и восточная ниши значительно глубже южной и северной. В торце западной ниши прорезан дверной проем, снабженный окошком "верхнего света", он соединяет помещение с дарвозахоной. В противоположном конце креста этой двери неглубокая, доходящая до пола ниша. Арочные окна в северной и южной стенах дарсхоны сдвинуты с оси помещения так же, как и соответствующие проемы западного помещения. Объясняется это тем, что регулярное членение фасадов лопатками и вписанной между ними плоской декоративной аркадой не соответствует здесь внутреннему расположению помещений, а строители считали обязательным расположение проемов на осях внешних арок. Переход от подкупольного квадрата к куполу дарсхоны осуществлен с помощью двух противидных парусов, образующих 12 опорных точек для купольной оболочки. В зените последней прорезано шестигранное сквозное отверстие (расстояние между сторонами 77 см), над которым возвышается ганчевый сквозной фонарь, подобный описанному выше, однако никак не украшенный. Большая глубина ниш, формирующих крестообразный план дарсхоны, привела к образованию между соседними ветвями креста значительных массивов кладки. С южной стороны в этих массивах устроены небольшие сводчатые помещения, одно из которых играет для дарсхоны роль прихожей. Соответствующие помещения северной стороны были замурованы, и с их сущест-

5) В этом отношении купол западного помещения находит прямую аналогию в куполе бухарской мадрасы Халифа Ниязкули-Чор Минор" (1807 г.).

вовании свидетельствуют лишь нишки на северном фасаде, сохранные на местах заложенных дверных и оконных проемов.

Устройство в зените купола светового отверстия является давней, еще мало изученной традицией среднеазиатского зодчества. Такие отверстия, обычно имеющие восьмиугольную форму и увенчанные легким граненым фонариком, известны на примере многочисленных (главным образом гражданских) памятников архитектуры с XVI в. Они особенно характерны для бань, купольные помещения которых, врытые в землю, не могли иметь обычных оконных проемов. Таким же образом устраивались и некоторые торговые купола, например "Купол менял" ("Токи саррефон") в Бухаре. Однако широкое распространение этого приема должно быть отнесено ко времени гораздо более раннему, чем XVI в., о чем свидетельствует его уже рудиментарное воплощение в архитектуре бухарского мавзолея Саманидов (X в.). Купола обоих зданий саитского комплекса Ходжа Машиад (на основании ряда глубоко архаических черт могут быть датированы X и XI вв.) снабжены широкими круглыми отверстиями, подобными световому люку римского Пантеона. Края этих отверстий снабжены уступом, на котором, очевидно, крепился несохранившийся легкий фонарь, деревянный или ганчевый, предохранявший помещение от осадков и прямых солнечных лучей. Судя по опубликованным материалам, подобное же отверстие в зените купола имеет мавзолей Шир Кабир в Мешехи Мисриане (IX-X вв.)⁶⁾ В нашем случае интересна шестигранная форма купольного отверстия, чрезвычайно редкая и характерная, как будто именно для Канибадама: аналогичный шестигранный люк с фонарем имеется в куполе другой канибадамской мадрасы, именуемой Мадрасаи Оим.

В этой связи интересна определенная общность, усматриваемая между куполом и деревянным перекрытием так называемого "дарбазного" типа, состоящим из нескольких пирами-

6) Г.А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Таджикистана, Абишерда, Серахса. - Тр. ИАКЭ, т.2. Ашхабад, 1953, с.195, рис.2.

дально расположенных и повернутых один относительно другого венцов, со световым отверстием в середине. "Брусчатые купола" такого рода были, как теперь известно, распространены в древней и раннесредневековой архитектуре Средней Азии. С куполами обычного типа их сближает (несмотря на очевидное несходство конструкций и материала) как сама форма, так и способ опирания на квадрат стен. Основанием "дарбазного" перекрытия служат бруссы, перекинутые через углы квадратного помещения и преобразующие квадрат в многоугольную, приближающуюся к кругу форму, а основой для купола служат играющие ту же роль арочные паруса-трюмпы.⁷⁾ Отверстие "дарбазного" перекрытия образовывалось верхним, наименьшим венцом и, естественно, повторяло форму всего перекрытия в целом.

В связи с этим едва ли случайным представляется тот факт, что именно в Северном Таджикистане, в Шахристане были недавно обнаружены при раскопках здания VIII в. на холме Уртакурган остатки "дарбазного" перекрытия, нигде более не встречающейся шестигранной формы, которое, естественно, должно было завершиться шестигранным световым люком.⁸⁾ Если наши соображения верны, то в необычных формах световых отверстий куполов канибадамских медреса нужно видеть поздний отголосок приемов, свойственных местной архитектурной школе, уходящих корнями в далекое домусульманское прошлое.

Взгляд на монументальную архитектуру Средней Азии конца XVII — начала XX вв. как на искусство, отмеченное чертами упадка и застоя, в целом безусловно справедлив.

7) В отдельных простейших случаях купола основывались не на угловых арках, а на переброшенных с угла на угол балках, которые в сочетании с промежуточными отрезками стен создавали восьмиугольное основание для купола в соответствии с конструкцией "дарбазского" перекрытия. Таков, например, Мазар Ходжа Йгона на соседних Райракумах.

8) Н.Н. Негматов, У.П. Пулатов, С.Г. Хмельников и др. Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе, "Донини", 1973.

Однако было бы неверным красить этот период истории среднеазиатского зодчества черной краской и не видеть в нем живых, здоровых черт, способных к творческому развитию. Расцвет хивинской архитектуры XVIII — начала XX вв., во время которого было создано немало первоклассных произведений монументального зодчества, не был беспрецедентным, исключительным явлением. И в других областях Средней Азии в это время создавались крупные сооружения, отмеченные печатью художественного мастерства и вкуса, своеобразно развивающие национальные традиции, обогащающие архитектуру новыми чертами. Конечно, даже крупнейшие архитектурные памятники этой эпохи своими размерами и декоративным убранством не идут ни в какое сравнение с грандиозными сооружениями времен развитого феодализма, роскошно украшенными майоликой, наборной мозаикой и живописью. Однако не этим, в конечном счете, определяется качество архитектуры.

Мадраса Мирраджаб додхе представляет собой в этом отношении достаточно характерный пример. Совершенно лишенная дорогостоящего декоративного убранства, изрядно испорченная перестройкой, она и сейчас производит сильное впечатление благодаря мастерской компоновке архитектурных форм и творческому, а отнюдь не формально-механическому применению традиционных строительных приемов. Строители смело отошли от канонических способов композиции мадраса в тех случаях, где считали это целесообразным. Так, помещение входного вестибюля, во всех классических образцах небольшое и незаметное, они превратили в крупный купольный объем, своими размерами и композиционной значимостью господствующий над всеми сооружениями. Кроме того, они совместили его с айваном, что опять таки не баходит прямых претендентов в предыдущей архитектурной практике. Особенно значительно мастерское, но необычайное с точки зрения традиций включение в структуру мадраса обширной летней мечети, чей деревянный многоколонный айван представляет собой характерную форму народной жилой архитектуры. Обращение к специфическим формам народного зодчества было, видимо, одной из особенностей позднефеодальной монументальной архитектуры Северного Таджикистана; его различные аспекты усматривают-

ся и в других памятниках этой территории — например в Ленинабадском мавзолее Хазрати Бобо⁹⁾ и мазаре Ходжа Ягона.¹⁰⁾ Вместе с тем целый ряд композиционных приемов и форм канибадамской мадраса являются глубоко традиционными, и в некоторых случаях анализ выявляет их связь с домусульманской древностью, с теми локальными формами, которые были разработаны местной архитектурной школой еще на заре среднеазиатского феодализма. Анализ архитектуры мадраса Мирраджаб додхо выявляет, таким образом, сложное и живое сочетание элементов традиционных и новаторских, общераспространенных и местных — сочетание, свидетельствующее об активной творческой мысли, о поисках новой художественной выразительности и функциональной правдивости, но отнюдь не о формальном, бездумном следовании каноническим образцам. Это побуждает более пристально всмотреться в памятники позднефеодалного среднеазиатского зодчества с тем, чтобы вскрыть те несомненные черты своеобразия и новизны, которые кроются за их скромным обликом и кажущейся, подчас, внешней традиционностью.

Публикуемая мадраса Мирраджаб додхо является первым более или менее исследованным памятником этого рода в Северном Таджикистане. Заметим, что в крупных и мелких городах до сих пор сохранился ряд мадрас, имеются также отдельные литературные свидетельства о несохранившихся до наших дней таких памятниках. В последние годы А.К.Мирзабаевым проведена большая работа по фиксации, описанию и историко-культурному осмыслению мадрас всех городов и селений Северного Таджикистана и готовится обобщающее монографическое исследование. Последнее, конечно, позволит лучше и полнее понять историю поздней архитектуры Таджикистана и Средней Азии в целом.

9) Н.Н. Негматов, С.Г. Хмельницкий: История архитектурного комплекса Хазрати Бобо. Изв. АН ТаджССР, ООИ, 1960, I (22), с.3-17.

10) Н.Н. Негматов, С.Г. Хмельницкий: Архитектурный комплекс Ходжа Ягона. АРТ, вып.14 (1974 г.). Душанбе, "Дониш", 1979.